

репрезентация явления в дискурсе порождает многообразие его интерпретаций. Таким образом, чтобы описать, понять и объяснить культуру той или иной общности, в определенном смысле достаточно диагностировать дискурс этой общности.

Литература:

Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород, 2008; Фуко М. Археология знания. – СПб., 2004; Shi-Xu. A cultural approach to discourse. – N.Y., 2005; Jameson F. Postmodernism, or Cultural logic of late capitalism. N.Y., 2005.

КОГЕРЕНТНОСТЬ ДИСКУРСА

К.д. – связность, целостность, системное и нелинейно функционирующее единство речемыслительных действий, направленных на (вос)-производство смыслов. Дискурс возникает из некоторого противоречия или вопроса, возникшего в ходе общения и познания. В соответствии с тем, что является базовой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсном поле возможные ответы на главные вопросы, в определенном «режиме» начинают функционировать все параметры дискурса и связи между ними – предметная область, цели, языковые средства и речевые акты, когнитивные механизмы, специфика текстов, специфичные контексты реализации, характеристики коммуникативных ситуаций. Например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения, актуализации ситуационного или экзистенциального контекста и так далее. Подчеркнем: дискурсная практика есть не столько некоторый набор элементов, сколько система связей, делающих возможной эти элементы и «вдыхающих жизнь» в устойчивую структуру дискурса. Это система неоднородных связей. С одной стороны, «сцепление» значений параметров дискурса происходит в сознании субъекта и соответствует когнитивному уровню дискурса: мы сами решаем, например, какие языковые средства использовать для описания некоторого положения дел и сами определяем переход от темы дискурса к выбору соответствующего жанра текстов. С другой стороны, корреляция параметров дискурса определяется нашей ориентацией на собеседника (оппонента, адресата, получателя информации, слушающего). Связность и динамика нашего дискурса зависит не только от наших собственных когнитивных усилий, но и в равной степени от принуждающего

действия Другого, которое может быть и не совершено, но возможность, характер и содержание которого может предполагаться коммуникантами. Мы проецируем Другого на структуру дискурса, и это позволяет организовать элементы дискурса в единое динамичное и открытое целое.

Условно обозначим эти два типа корреляций как *ментально-когнитивные* и *социально-коммуникативные*. Ментально-когнитивные корреляции характеризуют тип связей между параметрами дискурса, которые устанавливаются на уровне сознания субъекта и репрезентируют его познавательный и речевой опыт. К корреляциям такого типа могут относиться, например, индивидуальные ценности, речевые навыки, эмоции, установки, потребности и интересы, ментальные схемы, etc. Социально-коммуникативные корреляции, напротив, выражают связи между параметрами, устанавливаемые нормативной средой коммуникации и включают в себя, например, языковые и речевые нормы, коллективные установки, «групповые привычки», «социальный тезаурус», etc. Ментально-когнитивные корреляции позволяют нам «говорить то, что думаем», а социально-коммуникативные – «говорить, не задумываясь»; ментально-когнитивные корреляции делают возможным трансформацию значения и смысла высказываний, социально-коммуникативные – воспроизводство значений и смыслов, усвоенных и накопленных в коллективном опыте. И ментально-когнитивные, и социально-коммуникативные корреляции не редуцируются к собственно дискурсу, а имеют либо психическую, либо социальную (но недискурсную) природу. К.д. возможна благодаря до-дискурсным явлениям, таким как, например, эмоции или объективные языковые нормы (например, нормы диалекта или социолекта). При этом и те, и другие могут быть обусловлены культурой, которая «программирует» определенные эмоциональные реакции индивида (например, па-

триотические чувства) и формирует определенную «грамматику семиотического кода» (например, языковые конвенции профессиональных групп).

Ментально-когнитивные корреляции однозначно выражают конструктивное отношение к языку и речи и представлены «внутренними» познавательными и эмоционально-волевыми ресурсами субъекта, тогда как социально-

коммуникативные корреляции всегда задаются извне и представлены совокупностью «внешних» норм, шаблонов и стандартов, некоторым коллективным опытом. Социально-коммуникативный «срез» дискурсивной практики позволяет обнаружить репродуктивный потенциал дискурса, а ментально-когнитивный – его конструирующий и творческий характер.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС

Регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая речемыслительная деятельность, направленная на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта.

Р.д. строится в отношении решения проблемы веры как феномена индивидуального и массового сознания, выражающейся в принципиальной недоказуемости тезиса, фиксирующего истину, которая трактуется как высшая ценность. Р.д. используется субъектами института религии с целью сохранения, трансляции и актуализации ценностей, норм и мистического опыта. Дискурс строится относительно сохранения и изменения положения вещей, что объясняется стремлением человека к спасению и (вос)соединению с Абсолютом. Предметная область Р.д. включает в себя рационально не познаваемые явления, трактуемые как «истинно существующие» и доступные восприятию в результате мистического опыта, и характеризуется достаточно высокой степенью знаковости и метафоричности. Значимость мистического опыта, переживаний и ценностей, поддерживающих веру, является системообразующим внутренним фактором Р.д.

Языковыми средствами передачи мистического опыта являются эвфемизмы, тропы, экспрессивно-возвышенная лексика, положительные и отрицательные экспрессивы, – то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания, а его интуитивное понимание. Язык Р.д. формально и содержательно консервативен, что вызвано необходимостью сохранения догматического потенциала дискурса.

Знание в Р.д. конструируется на основе догм и мистических переживаний, а истина

понимается не как соответствие действительности, а как совпадение с Абсолютом, знание о котором зафиксировано в Сакральном тексте. Трансляция сакрального знания и опыта предполагает точное понимание религиозных максим, что достигается с помощью недвусмысленного формулирования ее базовых максим. В Р.д. достаточно широко применяются аргументативные средства, которые адаптируют канонически-догматическую основу религиозного учения к конкретным ситуациям повседневного действия, что в целом указывает на суггестивный характер Р.д.

Р.д. отличается широким спектром текстов различного жанра, в то время как их «смысловый центр» – это Сакральный текст, который содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром и отправной точкой в реализации дискурсивной практики. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет собой учение, может быть использован для объяснения жизненных ситуаций и построения новых религиозных текстов. Он наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресанта. Коммуникативные условия реализации Р.д. характеризуются жесткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности.

В целом, содержание Р.д. выражает «внутреннее напряжение» дискурса, связанное с репрезентацией мистического опыта в языке и коммуникации. Р.д. выступает в качестве механизма актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, будучи при этом высоко субъективированной деятельностью.